

Коммерсантъ

21.09.1994

Концерт в Большом зале консерватории

Хворостовский и Колобов — почти идеальный дуэт

В понедельник в Большом зале Московской консерватории состоялся второй концерт баритона Дмитрия Хворостовского. В нем принял участие оркестр театра "Новая опера" под управлением Евгения Колобова. Концерт собрал московскую артистическую элиту — среди публики были Ирина Архипова, Важа Чачава, Слава Зайцев, Михаил Глузский, Олег Янковский.

Дмитрий Хворостовский выступает на лучших оперных сценах мира и в Москве бывает настолько редко, что публика даже успевает забыть его репертуар. Евгений Колобов появляется на московской сцене тоже не часто, хотя и по причинам более грустным — у театра "Новая опера" до сих пор нет своей сцены. Между тем, дуэт двух мастеров, сложившийся не сегодня, — почти идеален, и не только потому, что и тот, и другой предпочитают не самые исполняемые музыкальные произведения, пусть даже и популярных композиторов. Лучшая черта этого творческого союза — идеальное взаимопонимание солиста и оркестра. Прошедший концерт в очередной раз подтвердил редкий талант дирижера в работе с певцом: он легко соглашается отвести себе и своему оркестру вторую роль, уступив первенство солисту, хотя виртуозность инструменталистов и дирижера просто вынуждают публику обратить внимание на оркестровую партию. Эффектное пианиссимо оркестра и солиста, слаженные выходы из пиано в форте — безусловное тому подтверждение. К тому же Дмитрий Хворостовский не чужд применения рубато, что требует от оркестра абсолютного внимания, такого же абсолютного, как подчинение дирижера темповому произволу солиста.

В последнее время оба музыканта нередко обращаются к произведениям сложным музыкально и драматургически, философски насыщенным, подчас окрашенным в мрачные минорные тона. Концерт открылся исполнением Allegretto из Десятой симфонии Шостаковича в исполнении оркестра "Новой оперы", после чего Дмитрий Хворостовский спел одно из любимых своих произведений — цикл Мусоргского на стихи Голенищева-Кутузова "Песни и пляски смерти". Это сочинение позволяет вокалисту продемонстрировать свое мастерство в нескольких музыкальных жанрах — здесь и "Колыбельная", и "Серенада", и "Трепак", и марш в "Полководце". "Песни и пляски смерти" — хороший повод подтвердить свою репутацию не только вокалиста, но и драматического актера. Однако опасность, которой не избежал Хворостовский, была

технического свойства — его фразировке и артикуляции не доставало четкости. Это было хорошо заметно в произнесении русского текста, хотя, конечно, не ощущалось в его итальянских партиях.

К числу других недостатков (или это свойство новой манеры певца?) можно отнести и энергичный сброс дыхания на концах музыкальных фраз: иногда это утрированное "выдыхание" придавало партии силу выражения и необычную драматургическую окраску (как в ариях из опер Верди и Беллини), однако порой подобная экспрессивность, которая всегда была сильной стороной исполнителя, вступала в противоречие с цельностью музыкальной фразы. В остальном же Хворостовский в очередной раз продемонстрировал свое несомненное вокальное мастерство. Подтверждением этому стала ария Рикардо из первого действия оперы Беллини "Пуритане" и, — наверное, лучший номер концертной программы — ария Альфонсо из второго действия оперы Доницетти "Фаворитка". Совершенное легато здесь идеально отвечало плавности музыкальных фраз мастеров бельканто, создавая в зале ту напряженность, которой всегда отмечено рождение вокального шедевра. А ария Родриго из третьего действия оперы Верди "Дон Карлос" при всем совершенстве техники и драматургической выверенности доказала, что Хворостовский все же прежде всего лирик, а не трагик.

В середине второго отделения, дав возможность солисту передохнуть перед финалом, оркестр "Новой оперы" исполнил пьесу "Вечером": антракт из третьего действия оперы Альфредо Каталани "Валли". Публика, внимание которой на некоторое время целиком занял оркестр, не была разочарована. Первое в России исполнение фрагмента из этого произведения, которое "Новая опера" обещает показать в этом сезоне, продемонстрировало созвучие всех оркестровых партий и ощущение полного единства оркестра с дирижером: особенно запомнились соло на гобое Бориса Сокола и партия кларнета, исполненная Лимозой Беляевой.

Хотя во втором отделении концерта было заявлено четыре вокальных номера, было, как и следовало ожидать, исполнено шесть — на бис Дмитрий Хворостовский спел знаменитую арию Жермона из "Травиаты" Верди и каватину Фигаро из "Севильского цирюльника" Россини. Жермон в исполнении Хворостовского необыкновенно лиричен, хотя впечатление пострадало после не очень удачных первых и тактов партии. Середина же партии была спета с виртуозностью мастера. Который, кажется, слишком часто исполнял любимую арию, чтобы не создать ощущения некоторой "запетости".

Последний бис — каватина Фигаро — оставил неоднозначное впечатление. Манера "проговаривать" музыкальный текст, возможно, придала Фигаро Хворостовского "неконцертную" объемность: вокалист не зря старался продемонстрировать свой актерский талант. Однако, увлекшись жестикуляцией и иллюстративностью, Хворостовский явно переиграл. Репутации другого вокалиста, не столь известного и любимого публикой, это бы повредило. Но редкому и желанному гостю на московской сцене дозволено и выбирать произвольный темп, и трактовать Фигаро как провинциально-развязного затейника, и даже вставать за дирижерский пульт на поклонах.

НАТАЛИЯ Ъ-ОСИПОВА